

**ЗВЕЗДЫ
КЛАССИЧЕСКОГО
ДЕТЕКТИВА**

Книги ДЖЕЙМСА ХЭДЛИ ЧЕЙЗА

в серии

«Звезды классического детектива»

Лучше бы я остался бедным
Весна в Париже
Сильнее денег
Перстень Борджиа
Шутки в сторону
Запах денег
Карьера убийцы
Весь мир в кармане
Ты за это заплатишь
Карточный домик
Итак, моя радость...
Без денег ты мертвец
Нет орхидей для мисс Блэндиш
Считай себя покойником
Свобода — опасная вещь
Двойная подтасовка
За все надо платить
Не мой уровень
Реквием блондинке
Если вам дорога жизнь
Туз в рукаве
У мертвых не спросишь
Ты будешь одинок в своей могиле
Быстрые деньги
Семь раз отмерь
У меня четыре туза
Миссия в Венецию
Осиное гнездо
Пусть мертвый оживет
Очередь за саваном

Джеймс Хэдли
ЧЕЙЗ

**ОЧЕРЕДЬ
ЗА САВАНОМ**

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Ч 36

James Hadley Chase
EVE

Copyright © Hervey Raymond, 1945

THIS WAY FOR A SHROUD

Copyright © Hervey Raymond, 1953

All rights reserved

Перевод с английского
Андрея Полошака, Татьяны Шушлебиной
Серийное оформление и оформление обложки
Валерия Гореликова

Чейз Дж. Х.

Ч 36 Очередь за саваном : романы / Джеймс Хэдли Чейз ; пер. с англ. А. Полошака, Т. Шушлебиной. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. — 544 с. — (Звезды классического детектива).

ISBN 978-5-389-18380-3

Имя Джеймса Хэдли Чейза известно ценителям детективного жанра во всем мире. На его счету около сотни произведений, больше половины из которых было экранизировано. В настоящем сборнике представлены романы «Ева» (1945) и «Очередь за саваном» (1953). Как и во многих произведениях писателя, действие романов разворачивается в Америке. Голливуд, Калифорния, райское побережье, горы. Сказочный мир кинозвезд и денежных воротил, на яркие огни которого слетаются, как мотыльки, все те, кто мечтает согреться в лучах славы и богатства или просто поживиться за чужой счет: подающие надежды писатели и безработные сценаристы, молоденькие актрисы без гроша в кармане, а также мошенники всех сортов, темные дельцы и пройдохи, нешуточные головорезы и порочные красотки... Для английского писателя все они — неистощимый источник вдохновения и захватывающих историй, по сей день не утративших для читателя своей притягательности.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

© А. С. Полошак, перевод, 2021
© Т. А. Шушлебина, перевод, 2021
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2021
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-18380-3

EBA

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Прежде чем поведать историю своего знакомства с Евой, я должен вкратце рассказать о себе и о тех событиях, которые привели к нашей первой встрече.

Если бы не один неожиданный поворот судьбы, побудивший меня отказаться от заурядной карьеры экспедитора, я бы не встретил Еву, а значит, не ввязался бы в историю, которая в конечном счете разрушила мою жизнь.

Даже теперь, спустя два года после того, как мы виделись в последний раз, стоит лишь подумать о ней, и мною вновь овладевает неистовая страсть с горьким привкусом разочарования, которая приковывала меня к ней все те дни, когда лучше бы было сосредоточиться на работе.

Не важно, чем я сейчас занимаюсь. Никто никогда не слышал обо мне в этом захолустном городке на побережье Тихого океана, куда я приехал около двух лет назад, осознав наконец, за какой пустой и призрачной мечтой гнался.

Но речь пойдет не о настоящем и не о будущем. Моя история посвящена прошлому.

Хотя мне и не терпится поскорее вывести на сцену Еву, все же, как я уже говорил, надо сообщить некоторые подробности о себе.

Меня зовут Клайв Торстон. Возможно, вам пришлось слышать это имя. Я считаюсь автором пьесы «Повторное приглашение», которая в свое время про-

извела фурор. На самом деле той пьесы я не писал, но из-под моего пера все же вышли три довольно популярных романа.

До постановки пьесы я был никем; впрочем, как и теперь. Жил в городе Лонг-Бич в большом многоквартирном доме рядом с рыбоконсервным заводом, на котором работал экспедитором.

Пока в нашем доме не поселился Джон Коулсон, я вел такое же монотонное, начисто лишённое честолюбивых помыслов существование, как и сотни тысяч других молодых людей, не имеющих никаких перспектив, обречённых и следующие двадцать лет протомиться все на той же работе.

И хотя жизнь моя была бесцветной и одинокой, я влачил ее с равнодушной покорностью. Я не видел возможности вырваться из каждодневной рутины утреннего подъема, похода на службу, дешевой еды, опасений превысить бюджет, случайной интрижки, если позволяли деньги. Выхода из этого замкнутого круга не было, пока я не познакомился с Джоном Коулсоном. Именно тогда мне представился счастливый шанс, и я его не упустил.

Джон Коулсон знал, что скоро умрет. Три года он боролся с туберкулезом, но его силы были на исходе.словно умирающий зверь, который прячется перед смертью от посторонних глаз, он оборвал все связи с друзьями и переехал в грязный доходный дом в Лонг-Бич.

Почему-то меня тянуло к нему, и ему, казалось, было приятно мое общество.

Может, потому, что он был писателем. Я и сам всегда мечтал заняться литературным трудом, но мысли о трудностях этого ремесла вгоняли меня в ступор. Хотя я чувствовал, что стоит начать, и мой дремлющий, но несомненный талант принесет мне богатство и славу. Полагаю, многие думают точно так же, и, подобно им, я все никак не мог заставить себя взяться за дело.

Джон Коулсон рассказал мне, что написал пьесу и что она была лучшим его творением. Я охотно слушал рассказы приятеля, узнавая поразительно интересные вещи о писательской технике и о том, какую уйму денег можно заработать на хорошей пьесе.

За два вечера до смерти он попросил послать пьесу своему агенту. К тому времени он был уже полностью прикован к постели и мало что мог сделать самостоятельно.

— Вряд ли я доживу до постановки, — угрюмо добавил он, глядя в окно. — Бог его знает, кому достанется гонорар, пусть об этом заботится мой агент. Чертовски забавная штука, Торстон, но у меня нет никого, кому бы я мог оставить наследство. Жаль, что я не обзавелся детьми. Тогда мой труд не пропал бы зря.

Я осторожно поинтересовался, ждет ли агент его пьесу, и он покачал головой:

— Кроме тебя, никто и не знает, что я ее написал.

На следующий день, в субботу, в Аламитос-бэй проходил ежегодный фестиваль водного спорта. Я отправился на пляж, чтобы вместе с тысячами зевак посмотреть регату.

Не выношу столпотворения, но Коулсон угасал на глазах, и мне захотелось вырваться из воцарившейся в доме тягостной атмосферы приближающейся смерти.

Я добрался до гавани как раз тогда, когда миниатюрные яхты готовились к самой важной гонке дня. Призом был золотой кубок, и страсти достигли апогея.

Одна из яхт особенно бросалась в глаза. Это было великолепное судно с ярко-красными парусами и изящным корпусом, просто созданным для высоких скоростей. На яхте суетились два человека. По одному, типичному докеру, я лишь скользнул взглядом, а вот второй меня заинтересовал — он явно смахивал на владельца. На нем были дорогие белые шерстяные брюки и замшевые туфли, а на запястье я заметил массивный

золотой браслет. На его мясистом лице застыло выражение холодного высокомерия — безошибочный знак богатства и власти. Он стоял у румпеля с сигарой в зубах, наблюдая, как его помощник завершает последние приготовления на судне. Я все думал, кем бы он мог быть, и наконец решил, что передо мной либо кинорежиссер, либо нефтяной магнат.

Понаблюдав за ним несколько минут, я двинулся дальше, но обернулся на звук падающего тела и жалобный вскрик.

Оказалось, докер поскользнулся, спускаясь с яхты, и теперь лежал на пристани со скверным переломом ноги.

Это происшествие и стало причиной крутых перемен в моей судьбе. У меня имелись некоторые навыки в парусном спорте, я вызвался занять место помощника и в итоге разделил с владельцем судна победные лавры.

Хозяин яхты представился мне лишь после регаты. Когда он назвал свое имя, я даже не сразу сообразил, какая мне выпала удача. Роберт Роуван был в то время одним из самых влиятельных людей в Театральной гильдии. Он владел восьмью или девятью театрами, и за ним тянулся длинный шлейф успешных постановок.

Выигранному кубку он обрадовался как ребенок и был безмерно благодарен за помощь. Протянув визитку, он торжественно пообещал, что, если мне понадобится поддержка, он сделает все, что в его силах.

Теперь понимаете, какое искушение меня подстергало? Вернувшись домой, я застал Коулсона без сознания; на следующий день он скончался. Его пьеса, готовая к отправке, лежала на моем бюро. Колебался я недолго. Коулсон сам признал, что понятия не имеет, кто получит гонорар, а ведь мог бы, в конце концов, подумать и обо мне. Быстро успокоив свою возмущенную совесть, я вскрыл пакет и прочел пьесу.

Хоть в драматургии я смыслил немного, но, дочитав до конца, понял, что это выдающаяся вещь. Я долго сидел, просчитывая шансы своего разоблачения, но не смог вообразить ни малейшей опасности. Перед тем как лечь спать, я заменил титульный лист рукописи. Вместо «Бумеранга» Джона Коулсона на нем теперь значилось «Повторное приглашение» Клайва Торстона. На следующий день я отослал пьесу Роувану.

Прошел почти год, прежде чем пьеса была поставлена. За это время в рукопись было внесено множество изменений, поскольку Роуван предпочитал, чтобы театральные прожекты, которые он финансировал, носили отпечаток его личности. К премьере я уже свикся с мыслью о своем авторстве и, когда она прошла с шумным успехом, был искренне горд собой.

Какое ликование наполняет душу, когда в переполненном зале называют твое имя и по лицам людей становится ясно, что ты для них не пустое место! Во всяком случае, для меня это значило немало. Не меньше значили и внушительные гонорары, ведь раньше мне приходилось довольствоваться сорока долларами в неделю.

Уверившись, что пьесу ждет долгая сценическая жизнь, я перебрался из Нью-Йорка в Голливуд. Я надеялся, что с моей нынешней репутацией на меня будет спрос и мне удастся обосноваться там в качестве сценариста. Авторских отчислений набиралось почти на две тысячи долларов в неделю, и я без колебаний снял квартиру в модном квартале на бульваре Сансет.

Устроившись на новом месте и тщательно все обдумав, я решил, что надо ковать железо, пока горячо, и приступил к работе над романом. Это была история человека, получившего ранение на войне и утратившего способность любить. Эта история не была выдумкой, я даже знал, что произошло с подругой этого человека. Когда-то этот случай произвел на меня неизгладимое впечатление. Как ни странно, мне удалось перенести

свои эмоции на страницы книги. Конечно, большую роль в ее успехе сыграло мое имя, но и сама вещь была вовсе не дурна. Разошлось больше девяноста семи тысяч экземпляров, и книга еще продавалась, когда на рынке появился второй мой роман. Этот был не столь хорош, но и он распродавался недурно. Сюжет этого романа я полностью выдумал, писался он со скрипом, и именно тогда я понял, насколько тяжок литературный труд. Третье произведение основывалось на реальных событиях из жизни женатой пары, с которой я был близко знаком. Жена вела себя возмутительно, и их окончательный разрыв стал для меня настоящим потрясением, так что оставалось только сесть за печатную машинку и ударить по клавишам — слова ложились на бумагу словно сами собой. Когда книга вышла в свет, ее тоже ждал успех.

Я окончательно уверился, что напал на золотую жилу. Я даже стал думать, что смог бы преуспеть и без пьесы Джона Коулсона, и поражался собственной глупости, из-за которой потерял столько лет, горбатясь за конторкой, вместо того чтобы зарабатывать писательством большие деньги.

Несколько месяцев спустя я решил, что пора приниматься за пьесу. «Повторное приглашение» закончили играть на Бродвее и повезли на гастроли. Оно по-прежнему приносило хороший доход, но я знал, что в скором будущем гонорары уменьшатся, а мне не хотелось отказываться от привычки к роскоши, которой я успел обзавестись. Кроме того, друзья то и дело спрашивали, когда же я напишу что-нибудь для театра, и мои постоянные отговорки становились неубедительными.

Принявшись за пьесу, я вдруг обнаружил, что идей, годных для драматургического воплощения, у меня нет. Я не сдался, а попытался найти вдохновение в беседах с людьми, однако в Голливуде немного охотников делиться замыслами. Я размышлял, нервничал, но ничего

не приходило на ум. Кончилось тем, что я послал пьесу к черту, сел за машинку и состряпал очередной роман. Я с головой ушел в работу и перевел дыхание, только когда отослал рукопись своему издателю.

Две недели спустя я получил от издателя приглашение пообедать. Он не стал ходить вокруг да около и откровенно заявил, что книга никуда не годится. Меня не нужно было убеждать. Я понял это в тот самый момент, когда поставил финальную точку. Так что я попросил его забыть о злосчастном опусе, сбивчиво объяснив, что спешил, отвлекался, но не позднее чем через месяц пришлю что-нибудь действительно стоящее.

Теперь предстояло разыскать пристанище, где можно сосредоточиться на работе и скрыться от толпы, пожирающей время и мешающей собраться с мыслями. Мне почему-то казалось, что достаточно найти мирный, уединенный приют в каком-нибудь живописном месте и привести в порядок нервы, и еще один бестселлер или даже великая пьеса не заставят себя долго ждать. Моя самоуверенность возросла настолько, что я ничуть не сомневался: в правильном окружении я создам шедевр. В конце концов я обнаружил место, которое показалось мне идеальным во всех отношениях.

Одноэтажный коттедж под названием Три-Пойнт располагался в нескольких сотнях ярдов от дороги к Большому Медвежьему озеру. С его просторной веранды открывался величественный вид на окрестные холмы. Обставлен он был со всей возможной роскошью и имел множество полезных технических приспособлений, включая маленькую, но мощную генераторную установку. Я с радостью снял его на лето.

Но надежды на то, что Три-Пойнт станет моим спасением, не оправдались. Каждое утро я вставал около девяти и усаживался за стол, стоящий на веранде, с крепким кофе у локтя и пишущей машинкой перед носом, и словно впадал в летаргическое оцепенение,

бездумно глядя на окружающий пейзаж. Я мог провести все утро, куря, пляясь на окрестности, вымучивая пару неуклюжих строчек, чтобы в итоге вымарать их недрогнувшей рукой. Днем я отправлялся на машине в Лос-Анджелес, слонялся по городу, болтая со сценаристами и глазами на кинозвезд. Вечером снова пытался работать, раздражался и в конце концов отправлялся спать.

Именно в этот критический для моей карьеры период, когда малейшее душевное потрясение могло стать причиной успеха или провала, в мою жизнь вошла Ева. Словно под влиянием колдовских чар, меня притянуло к ней, как булавку к гигантскому магниту. Она никогда не осознавала, насколько велика ее власть надо мной, а если бы и осознала, ее бы это мало заботило. Надменное безразличие — вот что раздражало меня в ней больше всего. Всякий раз, когда мы были вместе, я изнывал от желания заставить ее уступить, выдать секрет своей силы. Этот нескончаемый поединок стал для меня дьявольским наваждением.

Но достаточно предисловий. Декорации готовы, и моя история начинается. Долго же я собирался ее написать: брался и откладывал в сторону. Может быть, у меня получится на этот раз.

Если эта книга когда-нибудь увидит свет, не исключено, что она попадет в руки Еве. Я представляю, как она лежит в постели с сигаретой между пальцами и лениво читает мое творение. Поскольку в ее жизни было так много так мало значивших для нее мужчин и ее память превратила большинство из них в безликие тени, она, вероятно, забыла многие, если не все, наши встречи. Может, ей будет забавно оживить в памяти эфемерные моменты нашей близости и еще раз убедиться в своей силе и способности оставаться одной. По крайней мере, к концу истории она узнает, что я проник в ее жизнь глубже, чем она предполагала, и смог сорвать с нее несколько масок, впрочем, как и с себя самого.

И я представляю себе, как, добравшись до последней страницы, она, с таким знакомым выражением небрежного безразличия, равнодушно отбрасывает книгу прочь.

ГЛАВА ВТОРАЯ

На заправке в Сан-Бернардино меня предупредили, что ожидается торнадо.

Работник в элегантном белом комбинезоне с красным треугольным значком на нагрудном кармане посоветовал заночевать в городе, но я не внял голосу разума.

Когда я добрался до холмов, ветер усилился. Еще через милью звезды скрылись во мгле, и ливень обрушился на землю свинцовым покрывалом, заполонив ночь водой и туманом.

Через полукруглый просвет, оставляемый дворниками на лобовом стекле, мне были видны только отскакивающие от капота дождевые капли да несколько футов блестящей черной дороги, которые выхватывал свет фар.

Из-за завываний ветра и стука дождя по крыше машины казалось, что меня засунули внутрь гигантского барабана, по которому колотит какой-то безумный барабанщик. С треском падали деревья, сыпались камни, и все это перекрывал рев воды под колесами. Водяные потоки заливали боковые окна и искажали отражение моего лица, призрачно-желтого от света приборной панели.

На повороте машину занесло, и я чудом не сорвался в пропасть. Слева от меня высился крутой склон холма, правая сторона дороги граничила с отвесным обрывом в долину. Сердце чуть не выпрыгнуло из груди, пока я выворачивал руль и поддавал газу. Ветер дул с такой силой, что машина едва ли прибавила скорость.

Стрелка спидометра подрагивала между десятью и пятнадцатью милями в час, и на большее можно было даже не рассчитывать.

С предельной осторожностью вписавшись в следующий поворот, я увидел двух мужчин, стоявших посреди дороги. Черные макинтоши блестели от дождя в свете фонарей, которые они сжимали в руках.

Когда один из них приблизился, я сбросил скорость и выглянул из окна машины.

— О, мистер Торстон, здравствуйте, — приветствовал он меня, и вода, стекавшая с полей его шляпы, полилась мне на рукав. — Хотите добраться до Три-Пойнта?

Я тоже его узнал.

— Здравствуй, Том, — сказал я. — Смогу я проехать?

— Не то чтобы не сможете. — Его лицо от дождя и ветра приобрело оттенок кровавой отбивной. — Но это будет непросто. Как по мне, лучше бы вам повернуть назад.

Я включил зажигание:

— Я все же рискну. Как думаешь, дорогу не завалило?

— Большой «паккард» проехал около двух часов назад. Обратного не возвращался. Может, впереди все в порядке, но смотрите в оба — ветер наверху будет адским.

— Если «паккард» сумел проскочить, я-то уж и давно смогу, — хмыкнул я, поднял стекло и медленно покати́л дальше.

Миновав еще один крутой поворот, я начал взбираться на холм, почти прижимаясь к склону, и через несколько минут выехал на горную дорогу, ведущую к Большому Медвежьему озеру. Лес как-то разом остался позади, и, кроме нескольких зазубренных каменных обломков на горном склоне, ничто не защищало от ветра узкую ленту дороги.

Ураган налетел на машину, едва я выехал из-под прикрытия деревьев. Ее качнуло, и колеса с одного бо-

ка на несколько дюймов оторвались от земли. Я выругался. Случись такое на повороте, я бы в два счета слетел в долину. Переключившись на низкую передачу, я сбросил скорость. Дважды «крайслер» буксовал из-за шквальных порывов ветра. Каждый раз двигатель глох, и я едва успевал среагировать, не давая машине покачаться назад.

Добравшись до вершины, я почувствовал, что мои нервы на пределе. Дворники не справлялись с потоками воды, и, чтобы разглядеть путь, мне приходилось высовываться в окно. Дорога была не шире двадцати футов, ветер хлестал машину, тряс и подбрасывал, и в следующий поворот я вписался скорее благодаря везению, чем мастерству. К счастью, за поворотом ад кончился. Дождь по-прежнему усердно барабанил по крыше, но я смог перевести дыхание: дорога пошла под уклон с подветренной стороны.

До Три-Пойнта оставалось всего несколько миль. И хотя я понимал, что худшее позади, все же не терял бдительности. Как оказалось, не напрасно. Внезапно свет фар выхватил из темноты стоящий посреди дороги автомобиль, и я едва успел ударить по тормозам. Колеса заклинило, «крайслер» повело юзом, и на какую-то неприятную секунду мне показалось, что я сейчас отправлюсь на небеса. Потом мой бампер со скрежетом вписался в зад перегородившей дорогу машины, и меня бросило на руль.

Проклиная идиота, оставившего машину без сигнальных огней, я встал на подножку и нащупал фонарик. Дождь не унимался, и, перед тем как спрыгнуть на землю, я направил луч вниз, чтобы посмотреть, что меня ждет. Вода доходила до колпаков колес. Осветив брошенную машину, я понял, что случилось. Ее передние колеса были полностью погружены в воду, и она, по всей видимости, попала в карбюратор.

На дороге, которая, как я знал, следующие несколько миль круто шла вниз, по неизвестной причине образовалось небольшое озерцо. Я осторожно спустился с подножки, и мои ноги погрузились в воду до середины икр. Ботинки тут же засосала вязкая грязь и смачно зачавкала при каждом шаге на пути к брошенному автомобилю. Дождь превратил мою шляпу в размокший блин, и я раздраженно смахнул ее с головы. Добравшись до машины и заглянув в окно, я обнаружил, что там никого нет. Я взобрался на подножку и направил луч фонарика вперед. Дороги дальше попросту не существовало. Деревья, камни и грязь завалили путь, образовав подобие дамбы.

Брошенная машина оказалась «паккардом», о котором, похоже, и упоминал Том.

Ничего не оставалось, как идти пешком. Я вернулся к «крайслеру», подхватил меньшую из двух сумок, запер дверцы и зашлепал мимо «паккарда» к завалу из деревьев и камней. Стоило выбраться из воды, и вскарабкаться по нему не составило особого труда. С вершины завала открывался обзор на дорогу к озеру, и она, насколько хватало взгляда, была свободна от каких-либо препятствий.

Спуск оказался куда сложнее, и разок я чуть было не упал. Ноги разъехались в стороны, и, чтобы устоять, я бросил сумку и ухватился за корни дерева, а потом долго не мог ее найти.

После завала задержек больше не было. Минут за десять я добрался до ворот Три-Пойнта, вышел на подъездную аллею и увидел в гостинной свет. Я тут же подумал о водителе «паккарда». Слегка рассердившись, попытался сообразить, как ему удалось проникнуть внутрь.

К дому я подходил осторожно, чтобы успеть взглянуть на гостя прежде, чем обнаружу свое присутствие. Оставив сумку на веранде, я стянул промокшую на-

сквозь куртку и бросил на деревянную скамью у бревенчатой стены. Потом прокрался к окну и заглянул в ярко освещенную комнату. Кто бы ни вломился в мой коттедж, он разжег камин, и теперь в нем весело плясал огонь. В комнате никого не было, но пока я в нерешительности топтался у окна, из кухни вышел мужчина, держа в руках мою бутылку виски, два стакана и сифон.

Внешность пришельца показалась мне весьма примечательной. Его невысокий рост компенсировала ширина плеч. У него были злые голубые глазки и ручищи такой длины, какую редко встретишь у созданий, более цивилизованных, нежели орангутанги. Я невзлюбил его с первого взгляда.

Он встал перед камином, щедрой рукой наполнил стаканы скотчем, потом один из них поставил на каминную полку, а другой поднес к губам. Он попробовал виски с видом знатока, слегка сомневающегося в этой конкретной марке. Можно было разглядеть, как он перекатывает виски во рту, вскидывает голову и задумчиво изучает содержимое стакана. Наконец он кивнул, очевидно удовлетворенный напитком, и проглотил остаток. Вновь наполнив стакан, он развалился в кресле у камина, поставив бутылку на стоявший рядом журнальный столик.

На вид ему было сильно за сорок. Он не очень-то походил на владельца «паккарда»: костюм слегка поношен, да и хорошим вкусом, судя по рубашке, мой гость похвастаться не мог. Мне совсем не импонировала перспектива провести вечер в его обществе.

Беспокоил и второй стакан на каминной полке. Это могло значить только одно — у моего незваного гостя был товарищ, и я уже стал склоняться к мысли не выходить из укрытия, пока тот не появится. Однако ветер и мокрая одежда придали мне решительности: мерзнуть дольше совсем не хотелось. Я подхватил сумку и направился к входной двери. Дверь оказалась запер-

та. Достав ключи, я бесшумно отпер замок и вошел в прихожую. Пока я, поставив сумку на пол, размышлял, то ли идти в гостиную и разбираться с визитером, то ли напрямик направиться в ванную, в дверном проеме появился он сам и уставился на меня, как баран на новые ворота.

— Какого черта вам здесь надо? — Его голос был грубым и хриплым.

Я смерил его взглядом:

— Добрый вечер. Надеюсь, я вам не помешал. Так уж вышло, что я здесь хозяин.

Я полагал, что теперь он сдуется, как проколотый шарик, но мои слова лишь прибавили ему агрессивности. Его глазки злобно буравили меня, а на висках вздулись вены.

— Вы хотите сказать, что это ваш дом? — напористо поинтересовался он.

Я кивнул:

— Пусть вас это не смущает. Выпейте пока — виски в кухне. Я только приму ванну и сразу же вернусь. — Оставив его тупо смотреть мне вслед, я прошел в спальню и закрыл дверь. И тут я действительно рассердился.

Через всю комнату протянулась дорожка из женских вещей: сначала я увидел черное шелковое платье, потом дамское белье, чулки и, наконец, у двери в ванную — пару заляпанных грязью черных замшевых туфель.

На кровати лежал открытый чемодан из свиной кожи, из которого выглядывали другие предметы женского гардероба. Сшитый на заказ синий пеньюар с короткими рукавами был наброшен на спинку стула перед обогревателем.

Я стоял, взирая на этот кавардак, и не находил слов от злости, но прежде чем смог как-то отреагировать — а я уже был готов войти в ванную и высказать все, что думаю о манерах хозяйки чемодана, — дверь спальни открылась, и вошел мужчина.

Я повернулся к нему.

— Что все это значит? — спросил я, указывая на разбросанную по полу одежду и беспорядок на кровати. — Вы что, решили, что здесь отель?

Он смущенно поправил галстук:

— Ну не сердитесь. Здесь никого не было, и...

— Ладно, все в порядке, — смягчился я, подавив досаду. Не имело смысла устраивать сцену. Им просто не повезло, что я вернулся. — Вижу, вы уже чувствуете себя здесь как дома. Впрочем, не берите в голову, я вымок до нитки и потому не в духе. Адская ночь, не находите? Если позволите, я воспользуюсь свободной ванной комнатой.

Протиснувшись мимо него в дверь, я прошел по коридору к комнате для гостей.

— Я налью вам выпить, — крикнул он мне вслед.

Восхитительно! Ну разве не мило, когда незнакомец угощает тебя твоим же собственным виски? Я хлопнул дверью гостевой спальни и снял наконец мокрую одежду.

После горячей ванны я почувствовал себя лучше, а побрившись, уже настолько воспрял духом, что начал гадать, какого сорта женщина делит со мной кров. Но, вспомнив о мужчине, передернулся. Если она хоть немного похожа на него, мне предстоит неопиcуемый вечер.

Облачившись в серый шерстяной костюм, я посмотрелся в зеркало и пригладил волосы. На свои сорок я не выглядел — обычно мне давали тридцать с хвостиком. Чего скрывать, это было приятно. Как говорится, все мы люди... Я взглянул на свою квадратную челюсть, высокие скулы, ямочку на подбородке и с удовлетворением подумал, что действительно недурен. Высокого роста, несколько худощав, но костюмчик сидит превосходно. К тому же могу считаться выдающимся драматур-

гом и романистом, хотя этот ярлык газетчики на меня еще не навесили.

Я помедлил у двери в гостиную. Оттуда слабо доносился мужской голос, но разобрать слов было невозможно. Расправив плечи и напустив на себя равнодушный, скучающий вид, припасенный для этого вынужденного знакомства, я повернул ручку и вошел.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

У камина на корточках сидела тонкая темноволосая женщина. На ней был синий пеньюар с короткими рукавами, тот самый, что висел на стуле в моей спальне. Головы она не повернула, хотя, по всей вероятности, слышала, как я вошел. На протянутой к огню руке я заметил обручальное кольцо. Обратил внимание и на то, что ее плечи были немного шире бедер. Мне нравится, когда женщины так сложены.

Я ничего не имел против того, что она проигнорировала мое появление, не возражал и против обручального кольца. Но вот пеньюар мне решительно не понравился.

Ни одну женщину не красит халат. Даже если она не знала, кто я, ей следовало, по крайней мере, приодеться. Мне и в голову не пришло, что ей может быть совершенно безразлично, как она выглядит. Я подошел к ней с теми же мерками, что и ко всем знакомым мне женщинам, которые скорее согласились бы предстать передо мной обнаженными, чем в халате.

Признаться, я был избалован слабым полом — с моей репутацией, внешностью и состоянием этого было не избежать. Поначалу я наслаждался женским вниманием, хотя и сознавал, что многие обхаживают меня, как обхаживали бы любого перспективного холостяка в Голливуде. Им нужны были мои деньги, имя, вечеринки,

которые я устраивал, короче — все, кроме моей персоны как таковой.

Меня же волновали почти все обладательницы привлекательной наружности. Красивые, хорошо одетые женщины являлись обязательной частью моего окружения. Они вдохновляли меня, развлекали, укрепляли мое эго. Мне нравилось окружать себя красотками, как некоторым нравится развешивать по стенам дорогие картины. Но довольно скоро они мне наскучили. Я обнаружил, что подобные связи сводятся к серии стандартных тактических ходов, и тут обе стороны были настоящими профессионалами. Они жаждали развлечения, подарков и внимания, а я — нескольких часов удовольствия без каких бы то ни было иллюзий.

Единственным исключением оставалась Кэрол. Мы познакомились в Нью-Йорке, когда я ждал постановки своей пьесы. Тогда она была секретаршей Роберта Роувана. Я понравился ей, и, как ни странно, она понравилась мне. Именно Кэрол убедила меня перебраться в Голливуд, где она теперь писала сценарии для «Интернешнл пикчерс».

Полагаю, я не способен долго любить одну женщину. Возможно, меня стоит пожалеть, ведь в старомодном обычае жить всю жизнь с одной женщиной должно быть множество приятных сторон. А иначе зачем столько людей женятся? И я начал чувствовать, что лишен чего-то в силу своей исключительности.

Было время, еще до переезда в Голливуд, когда я всерьез подумывал жениться на Кэрол. Мне нравилось ее общество, к тому же я считал ее гораздо умнее всех других знакомых дам.

Но Кэрол была завалена делами на киностудии, и мы редко встречались днем. А у меня завелось множество приятелей, и часто я был занят не только днем, но и по ночам. Кэрол поддразнивала меня насчет моих подружек, но, казалось, не особенно возразила. Лишь однажды

ночью, когда я был слегка пьян и признался ей в любви, она выдала себя. Может, она тоже была немножко пьяна, но я так не думаю. Пару недель я ощущал уколы совести, когда встречался с другими женщинами, но в конце концов перестал заморачиваться. Наверное, просто привык к мысли, что Кэрол любит меня, как легко привыкал ко многому другому.

Пока я разглядывал гостью, мужчина отошел от стойки, где смешивал напитки, и протянул мне виски с содовой. Он был уже слегка нетрезв, и при хорошем освещении стало заметно, что ему не мешало бы побриться.

— Меня зовут Барроу, — представился он,дохнув перегаром мне в лицо. — Харви Барроу. Мне, конечно, неловко за наше вторжение, но у нас не оставалось выбора. — Он приблизился ко мне почти вплотную, и его плотная туша загородила женщину у камина.

Меня он совершенно не интересовал. Я не обратил бы внимания, повалился он замертво к моим ногам. Отступив на несколько шагов, я встал так, чтобы видеть женщину. Она грелась у огня, словно не подозревая о моем присутствии, и почему-то ее нарочитое безразличие приятно волновало.

Барроу похлопал меня по плечу. Я неохотно оторвал взгляд от женщины. Он снова принялся извиняться за то, что вломился в дом без спроса, и я прервал его, заявив, что все нормально и на его месте я сам поступил бы так же. Потом как бы невзначай представился, понизив голос, чтобы женщина не разобрала моего имени. Если она хочет таким образом произвести на меня впечатление, я не назову ей себя до самого последнего момента, а затем с удовольствием понаблюдаю за смятением, которое охватит ее, когда она поймет, кого игнорировала.

Мне пришлось повторить свое имя дважды, потому что с первого раза он его не расслышал, но и тогда оно не произвело должного эффекта. Я даже помог ему, при-

совокупив «писатель», однако было очевидно, что он ничего обо мне не знает. Он оказался одним из тех тупых невежд, которые никем не интересуются. Отныне я решил его игнорировать.

— Рад знакомству, — торжественно произнес он, пожимая мне руку. — Так мило, что вы не рассердились. Другие бы вытолкали меня взащей.

Ничто не доставило бы мне большего удовольствия, но я солгал:

— Все в порядке. — И посмотрел на женщину за его плечом. — Скажите, ваша жена окоченела от холода, глухонемая или просто необщительная?

Он проследил мой взгляд, и его грубое красное лицо напряглось.

— Уж и не знаю, как вас знакомить. Я в затруднительном положении, старина, — прошептал он мне на ухо. — Она мне не жена. К тому же сейчас она чертовски разозлилась. Промокла насквозь, а дамочки вроде нее этого не любят.

— Ясно, — ответил я, внезапно почувствовав отвращение. — Что ж, не беспокойтесь. Я хочу с ней познакомиться. — И я подошел к камину и встал рядом с женщиной.

Она повернула голову, посмотрела на мои ноги, затем вскинула глаза на мое лицо.

— Здравствуйте, — произнес я, улыбаясь.

— Здравствуйте, — равнодушно ответила она и опять уставилась на пламя.

Мне лишь мельком удалось увидеть ее эльфийское лицо с твердым ртом, упрямым подбородком и до странности волнующими глазами, но этого оказалось довольно. У меня перехватило дыхание, как бывает на вершине высокой горы, и я понял, что это значит.

В общем-то, я не назвал бы ее даже хорошенькой. Если уж на то пошло, ее внешность была скорее обыкновенной, но было в ней что-то магнетическое, возбуж-

дающее. Возможно, «магнетическое» не совсем верное слово. Я инстинктивно чувствовал, что за маской безмятежного равнодушия таится нечто глубоко порочное, почти животное. От одного только взгляда на нее казалось, будто бы вас ударило разрядом тока.

Я решил, что вечер не так уж и безнадежно испорчен. На самом деле он обещал быть потрясающе интересным.

— Хотите виски? — спросил я, надеясь, что женщина снова поднимет голову, но она этого не сделала. Она опустилась на ковер, поджала под себя ноги и кивнула на стоявший у камина стакан.

— У меня уже есть.

Подошел Барроу.

— Это Ева... Ева... — Он замялся и покраснел.

— Марлоу, — произнесла женщина. Ее руки лежали на коленях, и я заметил, как она сжала кулаки.

— Точно, — подхватил Барроу. — У меня паршивая память на имена. — Он кинул на меня растерянный взгляд, и я понял, что он успел позабыть и мое имя. Я не собирался ему помогать. Если человек не в силах запомнить имя своей любовницы, то пусть катится ко всем чертям.

— Так, значит, вы промокли, — обратился я к женщине и засмеялся.

Она подняла глаза. Я не доверяю первому впечатлению, но тут сомнений не оставалось: передо мной бунтарка. У нее, должно быть, дьявольский нрав — стремительный, порывистый, необузданный. Несмотря на миниатюрность, весь ее облик — глаза, манера держаться, выражение лица — свидетельствовал о внутренней силе. Над ее переносицей залегли две глубокие морщины. Они придавали лицу очень характерное выражение и могли возникнуть лишь в результате пережитых тревог и глубоких страданий. Мне не терпелось узнать ее ближе.

Содержание

ЕВА	
<i>Перевод Т. Шушлебиной</i>	5
ОЧЕРЕДЬ ЗА САВАНОМ	
<i>Перевод А. Полошака</i>	265

Литературно-художественное издание

ДЖЕЙМС ХЭДЛИ ЧЕЙЗ
ОЧЕРЕДЬ ЗА САВАНОМ

Ответственный редактор Оксана Сабурова
Редакторы Елена Скляренко, Иван Прилежаев
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Раткевич
Корректоры Маргарита Ахметова, Валентина Гончар
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 06.09.2021. Формат издания 75 × 100 ^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 23,97. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru
В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru
В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Информация о новинках и планах на сайтах:
www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

A-MCD-26978-01-R